

Научная статья
УДК 347.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1650

Rasim Rishatovich Safiullin
Postgraduate of the Department of Civil
and Business Law,
field of training 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
University of Management «TISBI»
Kazan, Russian Federation
ras_sr231199@inbox.ru

Расим Ришатович Сафиуллин
аспирант кафедры гражданского
и предпринимательского права,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Университет управления «ТИСБИ»
Казань, Российская Федерация
ras_sr231199@inbox.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В РОССИИ И В ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СНГ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу законодательного регулирования отношений, возникающих между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в Российской Федерации и отдельных государствах СНГ: Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан. Цель исследования состоит в выявлении сходств и различий правового регулирования указанных отношений по видам, а не только по национальным правовым порядкам, и в определении направлений возможной гармонизации частноправовых подходов. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и функциональный методы; материалами исследования послужили нормативные правовые акты шести государств в сфере электронной торговли, защиты прав потребителей, персональных данных и электронных документов. Сравнительный анализ проведен по семи видам отношений: между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, в сфере электронных сообщений, персональных данных, трансграничных расчетов и ответственности оператора. Установлено, что российская модель, сформированная Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах

регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», является единственной среди рассмотренных государств, где каждый из указанных видов отношений регулируется специальными нормами, прямо выделяющими оператора посреднических цифровых платформ как самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений. В государствах СНГ регулирование осуществляется через общие нормы об электронной торговле, дистанционной продаже, защите потребителей, персональных данных и электронных документах без специального учета платформенной модели. Сделан вывод о том, что гармонизация подходов в рамках СНГ целесообразна не через разработку единого закона о платформах, а через поэтапное сближение по отдельным видам отношений посредством рекомендательных актов без унификации национального законодательства.

Ключевые слова: посредническая цифровая платформа, оператор платформы, партнер платформы, пользователь платформы, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», сравнительно-правовой анализ, электронная торговля, защита прав потребителей, персональные данные, ответственность оператора, государства СНГ, гармонизация законодательства

Для цитирования: Сафиуллин Р. Р. Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками посреднических цифровых платформ в России и в отдельных государствах СНГ // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 260—267. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1650.

Original article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF RELATIONS BETWEEN PARTICIPANTS OF INTERMEDIARY DIGITAL PLATFORMS IN RUSSIA AND SELECTED CIS COUNTRIES

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the legislative regulation of relations arising between operators of intermediary digital platforms (IDPs), their partners, users and other persons in the Russian Federation and selected CIS states: the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan, the Kyrgyz Republic

and the Republic of Tajikistan. The purpose of the study is to identify similarities and differences in the legal regulation of these relations by type rather than solely by national legal order; and to determine possible directions for the harmonization of private-law approaches. The methodological framework consists of comparative legal and functional methods;

the research materials comprise statutory instruments of six states in the fields of e-commerce, consumer protection, personal data and electronic documents. The comparative analysis covers seven types of relations: between the operator and the partner; between the partner and the user; between the operator and the user; in the sphere of electronic communications, personal data, cross-border payments and operator liability. It is established that the Russian model, formed by Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 “On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation”, is the only one among the states examined in which each of these types of relations is governed by specialized rules expressly identifying the IDP operator as an independent subject of civil-law relations. In the CIS states, regulation is car-

ried out through general rules on e-commerce, distance selling, consumer protection, personal data and electronic documents without specific regard to the platform model. The conclusion is drawn that harmonization of approaches within the CIS framework is advisable not through the development of a unified platform law, but through gradual convergence of individual types of relations by means of recommendatory instruments, without unification of national legislation.

Keywords: intermediary digital platform, platform operator, platform partner, platform user, Federal Law “On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation”, comparative legal analysis, e-commerce, consumer protection, personal data, operator liability, CIS states, harmonization of legislation

For citation: Safiullin R. R. Comparative legal analysis of the legislative regulation of relations between participants of intermediary digital platforms in Russia and selected CIS countries. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):260—267. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1650.

Введение

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода к законодательному регулированию отношений, возникающих между операторами посреднических цифровых платформ (далее — ПЦП), их партнерами, пользователями и иными лицами в государствах — участниках СНГ. В условиях активного развития трансграничной электронной торговли операторы крупнейших платформ осуществляют деятельность одновременно на рынках нескольких государств СНГ, однако правовой режим возникающих при этом гражданско-правовых отношений в каждой юрисдикции определяется по-разному.

Принятие в Российской Федерации Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 1 октября 2026 г.; далее — Закон № 289-ФЗ) создало первую в постсоветском пространстве специальную правовую модель регулирования отношений между оператором ПЦП, партнерами и пользователями. В государствах СНГ — Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан — сопоставимые отношения регулируются преимущественно общими нормами об электронной торговле, дистанционной продаже, защите прав потребителей, персональных данных и электронных документах. Специального законодательства, выделяющего оператора ПЦП как самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений, ни в одном из указанных государств не принято.

Отсутствие единого подхода порождает практические коллизии. Оператор, осуществляющий деятельность на нескольких рынках СНГ, сталкивается с различными требованиями к договорному режиму взаимодействия с партнерами, к информированию пользователей, к обработке и трансграничной передаче персональных данных, к распределению ответственности при ненадлежащем исполнении обязательств. Пользователь, заключающий договор через трансграничную платформу, нередко лишен понимания того, кто является его контрагентом и к кому предъявлять требования. Партнер, размещающий товары или услуги на платформе, работающей в нескольких юрисдикциях, не может определить, по праву какого государства оцениваются его права и обязанности перед оператором.

Сравнительно-правовой анализ в данной сфере осложняется тем, что большинство существующих исследований посвящено либо цифровым платформам в целом как технологическому явлению, либо отдельным аспектам их деятельности — защите потребителей, антимонопольному регулированию, налогообложению. Анализа именно по видам гражданско-правовых отношений между участниками платформенного оборота применительно к государствам СНГ в доктрине не проводилось. Между тем именно такой подход позволяет выявить, какие связи — между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, оператором и иными участниками инфраструктуры — регулируются специальными нормами, а какие подчиняются лишь общим положениям гражданского законодательства.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью восполнить указанный пробел: провести сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками ПЦП не только по национальным правовым порядкам, но и по видам таких отношений, что позволит определить реальные сходства и различия подходов, выявить пробелы в защите участников платформенного оборота и сформулировать предложения по осторожной гармонизации частноправовых механизмов в рамках регионального правового пространства.

Изученность проблемы. В российской цивилистической доктрине вопросы регулирования цифровых платформ получили значительную разработку. Л. К. Терещенко исследует основные подходы к регулированию цифровых платформ, выделяя риски их функционирования и проблемы, требующие нормативного решения [1]. С. Ю. Филиппова и Ю. С. Харитоновна показывают, что правовое значение имеет не только платформа как технический объект, но и деятельность оператора, формирующего правила доступа и взаимодействия участников [2]. В. А. Белов предлагает оценивать объем ответственности цифрового посредника с учетом степени его вовлеченности в отношения между продавцом и потребителем [3]. Л. А. Чеговадзе исследует агрегаторы как объекты гражданских прав и вопрос ответственности их владельцев [4]. О. Н. Фомина рассматривает правовой статус информационного посредника, его функции и пределы ответственности [5]. А. А. Николаев специально исследует применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ с учетом Закона № 289-ФЗ [6].

Л. В. Андреева анализирует трансформацию правового понятия посредника в цифровом торговом обороте, разграничивая деятельность платформы, владельца агрегатора и информационного посредника [7].

Для целей сравнительно-правового анализа особое значение имеют работы, посвященные трансграничным и международным аспектам регулирования. М. В. Мажорина исследует цифровые платформы в контексте международного частного права, анализируя трансграничные пользовательские соглашения и проблему определения применимого права [8]. М. В. Ларионова и П. А. Дорохин систематизируют проблемы регулирования цифровых платформ на международном уровне и возможности межгосударственного сотрудничества [9]. К. Л. Томашевский и М. Х. Хасенов проводят сравнительно-правовой анализ регулирования цифровых платформ в государствах ЕАЭС, что является наиболее близким к теме настоящего исследования региональным сопоставлением [10]. А. Н. Варламова рассматривает категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» применительно к конкурентному праву, что имеет значение для оценки положения оператора на рынках государств СНГ [11]. А. В. Алтухов и С. Ю. Кашкин раскрывают правовую природу цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине, подчеркивая необходимость формирования специальных правовых подходов [12]. Т. В. Дерюгина анализирует договорную природу отношений с участием агрегатора [13]. Л. В. Андреева раскрывает проблемы согласования интересов владельцев маркетплейсов, продавцов, потребителей и владельцев пунктов выдачи заказов [14]. А. В. Габов анализирует цифровую платформу как новое правовое явление, показывая неоднородность использования данного понятия в нормативных актах и доктрине [15]. Н. А. Палчаева исследует правовой статус оператора цифровой платформы и отсутствие единого подхода к определению его прав и обязанностей [16]. О. В. Жевняк предлагает учитывать договорную структуру взаимодействия участников платформенной среды [17]. И. З. Аюшеева анализирует цифровую платформу как объект гражданских прав, обращая внимание на ее сложный состав [18]. А. Е. Кирпичев рассматривает агрегаторов товаров и услуг как новых субъектов коммерческого права и их роль в организации торгового оборота [19].

Вместе с тем сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками ПЦП применительно к государствам СНГ в доктрине практически не представлен. Имеющиеся работы либо рассматривают цифровые платформы на уровне общей теории без привязки к конкретным национальным правовым порядкам, либо посвящены отдельным аспектам — защите потребителей, антимонопольному регулированию, трансграничным договорам — без системного анализа гражданско-правовых отношений оператора с партнерами и пользователями по каждому виду отношений. Сопоставление подходов государств СНГ не только по национальным правовым порядкам, но и по видам отношений, складывающихся в платформенной среде, ранее не проводилось. Это определяет научный пробел, на восполнение которого направлено настоящее исследование.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что трансграничная деятельность операторов ПЦП на рынках государств СНГ осуществляется в условиях существенного различия национальных правовых подходов к регулированию отношений между оператором, партнерами

и пользователями. Принятие в России Закона № 289-ФЗ актуализировало вопрос о том, в какой мере российская модель сопоставима с подходами государств СНГ и может ли она служить ориентиром для осторожной гармонизации. Разработка темы позволяет выявить не только различия национальных моделей, но и особенности регулирования отдельных видов отношений в платформенной среде, что имеет значение для совершенствования частноправовых механизмов защиты участников трансграничного платформенного оборота.

Цель исследования состоит в проведении сравнительно-правового анализа законодательного регулирования отношений, возникающих между операторами ПЦП, их партнерами, пользователями и иными лицами в Российской Федерации и отдельных государствах СНГ: Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан, — а также в выявлении пробелов регулирования и направлений осторожной гармонизации частноправовых подходов по видам таких отношений.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- сопоставить российскую модель регулирования отношений на ПЦП с подходами, применяемыми в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан;
- выявить сходства и различия правового регулирования по видам отношений: оператор — партнер, партнер — пользователь, оператор — пользователь, оператор — иные участники платформенной инфраструктуры, а также трансграничные отношения;
- определить основные коллизии и пробелы, возникающие при трансграничной деятельности операторов ПЦП в государствах СНГ, в части защиты пользователей и партнеров, распределения ответственности и обработки персональных данных;
- сформулировать предложения по возможной гармонизации отдельных частноправовых подходов в рамках СНГ с учетом предмета регулирования Закона № 289-ФЗ.

Гипотеза исследования состоит в том, что в государствах СНГ отношения между операторами ПЦП, партнерами и пользователями регулируются преимущественно общими нормами об электронной торговле и защите потребителей без специального выделения оператора как самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений, что создает практические коллизии при трансграничной деятельности платформ. Предполагается, что сравнительный анализ не только по национальным правовым порядкам, но и по видам отношений позволит выявить реальные пробелы и определить направления осторожной гармонизации, не требующей механического заимствования российской модели.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведен сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками ПЦП в России и отдельных государствах СНГ не только по национальным правовым порядкам, но и по видам отношений: оператор — партнер, партнер — пользователь, оператор — пользователь, оператор — иные участники платформенной инфраструктуры. Выявлены конкретные нормативные акты каждого государства, регулирующие соответствующие виды отношений, определены пробелы и сформулированы предложения по осторожной гармонизации частноправовых подходов.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии сравнительно-правовой методологии применительно к регулированию цифровых платформ: предложенный подход анализа по видам отношений, а не только по национальным правовым порядкам, может быть использован в дальнейших исследованиях регулирования ПЦП в других региональных объединениях. Полученные выводы способствуют систематизации подходов государств СНГ к квалификации отношений в платформенной среде и выявлению общих тенденций развития частного права в условиях цифровизации торгового оборота.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные сходства и различия правового регулирования в государствах СНГ могут быть использованы операторами ПЦП при выстраивании договорной модели трансграничной деятельности, а также законодателями государств СНГ при разработке или совершенствовании специального регулирования платформенных отношений. Предложения по гармонизации носят рекомендательный характер и учитывают различия национальных правовых порядков, что делает их практически применимыми без необходимости унификации законодательства.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и функциональный методы. Сравнительно-правовой метод является основным: сопоставление российского регулирования с подходами государств СНГ проводится по двум осям — по национальным правовым порядкам и по видам отношений. Такой подход позволяет выявить, какие виды отношений регулируются специальными нормами, а какие подчиняются общим положениям гражданского законодательства. Функциональный метод применен для оценки того, какие правовые задачи решают соответствующие нормы в каждой юрисдикции: обеспечение доступа партнера к платформе, защита пользователя, распределение ответственности оператора, признание юридической силы электронных сообщений.

Результаты исследования и их обсуждение. Сравнительно-правовой анализ регулирования ПЦП целесообразно проводить не только по отдельным государствам, но и по видам отношений, возникающих между участниками платформенного оборота. Такой подход позволяет избежать чрезмерно общего сопоставления «национальных моделей» и выявить, какие именно связи регулируются специальными нормами, а какие продолжают подчиняться общим положениям гражданского законодательства, законодательства об электронной торговле, защите прав потребителей, персональных данных и электронных сделках. В научной литературе уже подчеркивалось, что регулирование отношений при использовании цифровых платформ требует учета их функциональной роли в организации взаимодействия участников, а не только их технической формы [1, с. 164—166; 2, с. 63—67].

Первый блок сравнения составляют отношения между оператором ПЦП и партнером. В Российской Федерации после принятия Закона № 289-ФЗ эти отношения получили наиболее специальное регулирование: закон исходит из необходимости заключения договора между оператором и партнером, предоставления доступа к личному кабинету, обмена юридически значимыми сообщениями, проверки сведений о партнере и установления правил взаимодействия. Тем самым российская модель прямо выделяет оператора и партнера как самостоятельных участников платформенного оборота.

В Казахстане регулирование построено на основе Закона РК от 12 апреля 2004 г. № 544-III «О регулировании торговой деятельности», который оперирует категорией электронной торговой площадки, обеспечивающей инфраструктуру участникам электронной торговли, включая заключение договоров и организацию расчетов. Однако специальная модель отношений «оператор ПЦП — партнер» выражена менее детально [7, с. 6—10].

В Республике Беларусь регулирование дистанционной торговли осуществляется на основании Постановления Совета Министров РБ от 15 января 2009 г. № 31 «Об утверждении Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли» (в ред. 2023 г.) и ориентировано преимущественно на отношения продавца и покупателя. Самостоятельный договорный режим между владельцем платформенной инфраструктуры и партнером белорусским законодательством прямо не выделяется.

В Республике Узбекистан общий режим электронных сделок определяется Законом РУз от 29 сентября 2022 г. № ЗРУ-792 «Об электронной коммерции», в Кыргызской Республике — Законом КР от 20 июля 2004 г. № 95 «Об электронной торговле», в Республике Таджикистан — Законом РТ от 10 мая 2002 г. № 53 «Об электронной торговле» (в ред. 2021 г.). Все три закона регулируют общий режим электронных сделок и участников электронной торговли, однако не формируют развернутой конструкции договора между оператором платформы и партнером, сопоставимой с российским Законом № 289-ФЗ. Это подтверждает вывод о том, что цифровой посредник постепенно выходит за рамки классического технического посредника и приобретает самостоятельное значение в торговом обороте.

Второй блок составляют отношения между партнером и пользователем. Здесь сходство правовых порядков проявляется сильнее, поскольку во всех рассматриваемых странах эти отношения в основном квалифицируются через традиционные гражданско-правовые модели: куплю-продажу, возмездное оказание услуг, подряд или иные договоры, заключаемые в электронной форме. Различие состоит в том, насколько подробно национальное законодательство учитывает участие цифровой платформы в заключении и исполнении таких договоров. В России Закон № 289-ФЗ прямо связывает ПЦП с заключением гражданско-правовых договоров между партнерами и пользователями. В Казахстане в соответствии с Законом РК «О регулировании торговой деятельности» электронная торговая площадка признается инфраструктурой для участников электронной торговли, однако основной договор сохраняет традиционную связь с продавцом и покупателем. В Беларуси дистанционная торговля согласно Постановлению Совмина № 31 также строится вокруг отношений продавца и покупателя. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане соответствующее законодательство об электронной торговле закрепляет электронную форму взаимодействия и общие гарантии участников, однако вопрос о распределении ролей между оператором, продавцом и покупателем решается менее специализированно. Поэтому ключевой проблемой остается определение того, кто является стороной основного договора с пользователем и в каком объеме оператор может отвечать за действия партнера [3, с. 72—77].

Третий блок связан с защитой пользователя. В российской модели защита пользователя обеспечивается как общими нормами Гражданского кодекса РФ и Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав

потребителей», так и специальными требованиями Закона № 289-ФЗ: к информированию, доступу к сведениям, рассмотрению обращений, функционированию личного кабинета и иным сервисным механизмам.

В Казахстане защита потребителя в цифровой среде регулируется Законом РК от 4 мая 2010 г. № 274-IV «О защите прав потребителей» (в ред. 2023 г.) и общими нормами о регулировании торговой деятельности. В Беларуси действует Закон РБ от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (в ред. 2023 г.); в Узбекистане — Закон РУз от 26 апреля 1996 г. № 221-I «О защите прав потребителей» (в ред. 2022 г.); в Кыргызстане — Закон КР «О защите прав потребителей» от 10 декабря 1997 г. № 96; в Таджикистане — Закон РТ от 9 декабря 2004 г. № 68 «О защите прав потребителей» (в ред. 2021 г.). Во всех указанных государствах защита потребителя в цифровой среде опирается преимущественно на общие нормы, не учитывающие специфику платформенной модели, при которой пользователь воспринимает оператора платформы как единого организатора сделки, тогда как юридически продавцом или исполнителем является партнер. В связи с этим особое значение приобретает разграничение ответственности продавца, исполнителя и оператора ПЦП [4, с. 14—18].

Четвертый блок составляют электронная торговля, электронные сделки и юридически значимые сообщения. В России Закон № 289-ФЗ специально предусматривает обмен юридически значимыми сообщениями между оператором, партнером и владельцем пункта выдачи заказов через личный кабинет или иным согласованным способом. Это делает электронную коммуникацию не просто техническим элементом, а частью договорного регулирования.

В Казахстане юридическая сила электронных документов закреплена Законом РК от 7 января 2003 г. № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (в ред. 2022 г.). В Кыргызстане аналогичные вопросы регулирует Закон КР от 17 июля 2004 г. № 92 «Об электронной подписи»; в Таджикистане — законы РТ от 10 мая 2002 г. № 54 «Об электронном документе» (в ред. 2021 г.) и № 55 «Об электронной цифровой подписи»; в Беларуси — Закон РБ от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (в ред. 2022 г.); в Узбекистане — Закон РУз от 29 апреля 2004 г. № 611-II «Об электронном документообороте» (в ред. 2022 г.). Во всех указанных государствах признаётся юридическая значимость электронного взаимодействия, однако регулирование оператора ПЦП как самостоятельного субъекта, обеспечивающего посредством платформы обмен юридически значимыми сообщениями, прямо не выделяется. Между тем в доктрине подчеркивается, что оператор может выполнять юридически значимые функции, даже не являясь стороной основного обязательства [5, с. 176—181].

Пятый блок касается обработки персональных данных. Для ПЦП эта сфера имеет особое значение, поскольку данные пользователя и партнера могут передаваться оператору, продавцу, платежной организации, службе доставки, владельцу пункта выдачи заказов и иным участникам инфраструктуры. Во всех рассматриваемых государствах действуют специальные законодательные акты: в России — Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с требованием локализации данных на территории Российской Федерации); в Казахстане — Закон РК от 21 мая 2013 г. № 94-V «О персональных данных

и их защите» (в ред. 2023 г.); в Беларуси — Закон РБ от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»; в Узбекистане — Закон РУз от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 «О персональных данных»; в Кыргызстане — Закон КР от 14 апреля 2008 г. № 58 «Об информации персонального характера»; в Таджикистане — Закон РТ «О персональных данных» от 7 августа 2020 г. № 1724. Поэтому проблема состоит не в отсутствии общего регулирования персональных данных, а в необходимости определить, кто и в каком объеме ответственен за сбор, передачу, хранение и использование данных внутри платформенной инфраструктуры. Для трансграничных платформ эта проблема усиливается различиями национальных режимов обработки и передачи данных, что уже рассматривается в литературе как один из факторов, осложняющих международное регулирование отношений при использовании цифровых платформ [9, с. 75—85].

Шестой блок образуют трансграничные расчеты и исполнение обязательств. Российский Закон № 289-ФЗ учитывает расчетные и логистические элементы платформенного оборота через категории оплаты товара, работы или услуги, пункта выдачи заказов и логистической инфраструктуры оператора. В Казахстане Закон РК «О регулировании торговой деятельности» прямо связывает электронную торговую площадку с возможностью безналичного расчета и организацией либо координацией доставки. В Таджикистане Закон РТ «Об электронной торговле» предусматривает безналичную форму расчетов при электронной сделке. В Беларуси, Узбекистане и Кыргызстане вопросы оплаты, доставки и возврата решаются через нормы об электронной торговле, дистанционной торговле и платежных услугах без специального учета платформенной модели. При трансграничной деятельности платформ возникает вопрос о применимом праве, юрисдикции, валютных ограничениях, исполнении судебных решений и распределении рисков между оператором, партнером, пользователем и платежным посредником. Эти проблемы особенно значимы для государств СНГ, где цифровые платформы могут фактически работать на общем региональном рынке при отсутствии единых правил платформенного оборота [8, с. 111—116].

Седьмой блок касается ответственности цифрового посредника. В России Закон № 289-ФЗ создает предпосылки для более точного определения обязанностей оператора: он не является стороной основного договора между партнером и пользователем, однако несет самостоятельную ответственность за исполнение технических, информационных и организационных функций. Законодательно целесообразно уточнить критерии такой ответственности исходя из выполняемых оператором функций: если он ограничивается технической организацией взаимодействия посредством платформы, объем его ответственности должен быть одним; если же оператор участвует в формировании предложения, расчетах, доставке, рейтингах, рассмотрении жалоб или возврате денежных средств — иным.

В Казахстане ответственность цифрового посредника определяется Законом РК «О регулировании торговой деятельности» и общими нормами Гражданского кодекса РК. В Беларуси — Гражданским кодексом РБ и нормами об электронной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане ответственность оператора выводится из общих норм об обязательствах, электронной торговле и защите прав потребителей. Во всех указанных государствах регулирование является более гибким, чем российское, однако менее определенным — поскольку не разграничивает ответственность

оператора как технического посредника и как активного участника платформенной сделки. Такой функциональный подход соответствует выводам доктрины о необходимости учитывать фактическую степень участия оператора в организации сделки [3, с. 76—80; 6, с. 154—160].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ по видам отношений показывает, что российское регулирование является более специализированным именно в части платформенного взаимодействия между оператором, партнерами, пользователями и иными лицами. В большинстве рассмотренных государств СНГ регулирование строится преимущественно вокруг электронной торговли, дистанционной продажи, электронных документов, защиты потребителей и персональных данных. Эти нормы позволяют регулировать отдельные элементы платформенного оборота, но не всегда дают целостную модель отношений между оператором платформы, партнером, пользователем и инфраструктурными участниками. Поэтому перспективным направлением является не механическое заимствование российского закона, а сопоставление национальных подходов по отдельным видам отношений: доступ партнера к платформе, договор с пользователем, информирование, расчеты, доставка, обработка данных, рассмотрение жалоб и ответственность цифрового посредника.

По итогам сравнительного анализа можно констатировать следующее. Российская модель является единственной в рассмотренной группе государств, где все семь видов отношений — между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, в сфере электронных сообщений, персональных данных, расчетов и доставки, а также ответственности оператора — регулируются специальными нормами, прямо учитывающими платформенную модель. В Казахстане наиболее продвинутым является регулирование расчетов и доставки через электронную торговую площадку; в Беларуси — защита потребителя при дистанционной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане специального регулирования ни по одному из семи видов отношений не существует: применяются общие нормы гражданского законодательства, законодательства об электронной торговле и защите прав потребителей. Ни в одном из государств СНГ оператор ПЦП не выделен как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений с определенным кругом прав и обязанностей — именно этот пробел является ключевым результатом сравнительного анализа и определяет направление возможной гармонизации.

Заключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что ни в одном из рассмотренных государств СНГ: Республике Казахстан, Республике Беларусь, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан — оператор ПЦП не выделен как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений с определенным кругом прав и обязанностей. Регулирование отношений между участниками платформенного оборота осуществляется через общие нормы об электронной торговле, дистанционной продаже, защите прав потребителей, персональных данных и электронных документах. Эти нормы позволяют регулировать отдельные элементы платформенного взаимодействия, однако не формируют целостного правового режима отношений оператора с партнерами, пользователями и иными участниками инфраструктуры.

Наибольшее сближение с российской моделью наблюдается в Казахстане — в части регулирования электронных торговых площадок и расчетов — и в Беларуси — в части защиты потребителя при дистанционной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане специального регулирования платформенных отношений не существует ни по одному из рассмотренных видов. Общим для всех государств является гражданско-правовая квалификация отношений между продавцом и покупателем при электронной торговле, однако распределение ролей между оператором платформы, партнером и пользователем законодательством прямо не определяется.

Возможная гармонизация подходов в рамках СНГ должна носить осторожный и поэтапный характер. Наиболее реалистичным направлением является не разработка единого закона о платформах, а сближение подходов по отдельным видам отношений, прежде всего в части определения правового статуса оператора, требований к информированию пользователей и распределения ответственности между участниками платформенного оборота. Такое сближение может осуществляться через рекомендательные акты в рамках СНГ без необходимости унификации национального законодательства.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Сравнительно-правовой анализ по семи видам отношений — между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, в сфере электронных сообщений, персональных данных, расчетов и ответственности оператора — показал, что российская модель, сформированная Законом № 289-ФЗ, является единственной в рассмотренной группе государств, где каждый из указанных видов отношений регулируется специальными нормами, прямо учитывающими платформенную модель взаимодействия.

2. Ни в одном из рассмотренных государств СНГ: Республике Казахстан, Республике Беларусь, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан — оператор ПЦП не выделен как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений. Регулирование осуществляется через общие нормы об электронной торговле, дистанционной продаже, защите прав потребителей, персональных данных и электронных документах, что не позволяет разграничить права, обязанности и ответственность оператора, партнера и пользователя применительно к платформенной модели.

3. Наибольшее частичное сближение с российской моделью наблюдается в Казахстане в части регулирования электронных торговых площадок и расчетов и в Беларуси в части защиты потребителя при дистанционной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане специального регулирования платформенных отношений не существует ни по одному из рассмотренных видов.

4. Гармонизация подходов в рамках СНГ целесообразна не через разработку единого закона о платформах, а через поэтапное сближение по отдельным видам отношений, прежде всего в части правового статуса оператора, требований к информированию пользователей и распределения ответственности. Такое сближение может осуществляться посредством рекомендательных актов СНГ без унификации национального законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Терещенко Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 163—175. DOI: 10.61205/S160565900031105-9.
2. Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателью и пути их решения // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 58—75.
3. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 68—82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082.
4. Чеговадзе Л. А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // Цивилист. 2022. № 1(37). С. 12—19.
5. Фомина О. Н. Правовой статус информационного посредника // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 3. С. 171—191.
6. Николаев А. А. Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ // Юридические исследования. 2025. № 11. С. 150—165. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76834.
7. Андреева Л. В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 5—12.
8. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107—120. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120.
9. Ларионова М. В., Доронин П. А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 70—92. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.
10. Томашевский К. Л., Хасенов М. Х. Работа посредством цифровых платформ занятости: поиск модели и перспективы урегулирования // Правоведение. 2025. Т. 69. № 2. С. 335—350.
11. Варламова А. Н. Категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 6—12. DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12.
12. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 86—94.
13. Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. 2018. № 6. С. 3—6.
14. Андреева Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 149—157. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.120.8.149-157.
15. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13—82.
16. Палчаева Н. А. Правовой статус оператора цифровой платформы // Юридический мир. 2025. № 3. С. 30—33. DOI: 10.18572/1811-1475-2025-3-30-33.
17. Жевняк О. В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96—127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
18. Аюшеева И. З. Правовой режим цифровых платформ как объектов гражданских прав // Lex russica. 2025. Т. 78. № 11. С. 44—53. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.044-053.
19. Кирпичев А. Е. Агрегаторы товаров и услуг как новые субъекты коммерческого права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 55—59. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.055-059.

REFERENCES

1. Tereshchenko L. K. Digital platforms: regulatory approaches. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2024;28(9):163—175. (In Russ.) DOI: 10.61205/S160565900031105-9.
2. Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in law and the law of digital platforms: new challenges for the legislator and ways to deal with them. *Pravovedenie*. 2025;69(1):58—75. (In Russ.)
3. Belov V. A. Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Responsibility. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(8):68—82. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082.
4. Chegovadze L. A. The aggregators as the objects of the civil rights and the responsibility of their owners under the obligations. *Civilist*. 2022;1(37):12—19. (In Russ.)
5. Fomina O. N. Legal status of the Internet service provider. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review*. 2019;19(3):171—191. (In Russ.)
6. Nikolaev A. A. Applicability of the information intermediary status to digital platform operators. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2025;11:150—165. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76834.
7. Andreeva L. V. Transformation of the legal concept of an intermediary in the application of digital technologies in trade. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*. 2024;2:5—12. (In Russ.)
8. Mazhorina M.V. Digital Platforms and International Private Law, or Is There a Future for Cyber Law?. *Lex Russica*. 2019;2:107—120. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120.
9. Larionova M., Doronin P. Problems of digital platforms regulation: challenges and perspectives for international cooperation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organizations Research Journal*. 2024;19(2):70—92. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.

10. Tomashevski K. L., Khasenov M. Kh. Work through digital employment platforms: search for a model and prospects for regulation. *Pravovedenie*. 2025;69(2):335—350. (In Russ.)
11. Varlamova A. N. The “digital platform” and “digital commodities market” categories competition law objectives. *Konkurentnoe pravo = Competition Law*. 2025;4:6—12. (In Russ.) DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12.
12. Altukhov A. V., Kashkin S. Yu. The Legal Nature of Digital Platforms in the Russian and Foreign Doctrines. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(7):86—94. (In Russ.)
13. Deryugina T. V. The legal nature of an agreement mediating origination of legal relationships involving an aggregator. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2018;6:3—6. (In Russ.)
14. Andreeva L. V. Coordination of interests of participants in digital commodity platforms (marketplaces): legal problems. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(8):149—157. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2024.120.8.149-157.
15. Gabov A. V. Digital platform as a new legal phenomenon. *Permskii yuridicheskii almanakh = Perm Legal Almanac*. 2021;4:13—82. (In Russ.)
16. Palchaeva N. A. The legal status of a digital platform operator. *Yuridicheskii mir = Juridical World*. 2025;3:30—33. (In Russ.) DOI: 10.18572/1811-1475-2025-3-30-33.
17. Zhevnyak O. V. Digital platforms as a type of economic market relations and the reflection of this aspect in the legal regime of digital platforms. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2023;8:96—127. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
18. Ayusheeva I. Z. The Legal Status of Digital Platforms as Civil Law Objects. *Lex Russica*. 2025;78(11):44—53. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.044-053.
19. Kirpichev A. E. Goods and Services Aggregators as New Subjects of Commercial Law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2018;2:55—59. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.055-059.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.